

Ономастическая лексика в автороведении (неидентификационный аспект)

В статье рассматривается ономастическая лексика, раскрываются ее диагностические возможности в судебной экспертизе.

Ключевые слова: ономастика, оним, диагностика, криминалистика.

Автороведческая экспертиза — это вид криминалистического изучения документов, который в 1977 году был выделен из состава криминалистической скриберологии и включает два вида исследования письменного текста — идентификационный и неидентификационный. Лингвистические, в частности ономастические, особенности изысканий первого типа были уже представлены нами ранее и не нуждаются в дополнительных комментариях.

В ходе неидентификационного исследования решаются классификационные и диагностические задачи. Первые связаны с установлением статуса и социальных ролей анонима (пола, возраста, уровня образования, родного языка, профессии), вторые (диагностические) задачи — с определением эмоционального состояния автора в период составления текста, степени психического здоровья, процента реальности угрозы, а в экспертизе устной речи ещё и уровня психического давления, особенностей взаимоотношений и др. Как представляется, имена собственные, благодаря наличию у них энциклопедического значения и повышенной экстралингвистичности, могут оказаться весьма перспективным объектом изучения в криминалистике и должны привлекаться специалистами для решения автороведческих задач всех вышеназванных типов.

В деле успешного решения вопроса о возрастных параметрах личности полезными для диагностики являются, как уже отмечалось нами ранее, реноминированные топонимы и символические антропонимические единицы. Особого внимания заслуживают онимы, входящие в состав реактивного компонента, если анализу подвергается фонограмма, поскольку об асимметричности возрастных признаков красноречиво свидетельствуют успешная, но не завершённая (по Серлю) референция или полное её отсутствие. Описанию возрастной дифференциации предпочтений в области топонимики посвящены многие социолингвистические работы ономастов, выполненные на материале большого числа астионимов и комонимов. Последние могут явиться источником гипотетической информации о возрасте, если, например, слушающий не способен идентифицировать объект, руководствуясь хронологическим вариантом адресанта: *"Выйдешь на Комсомольской"*. — *"А сейчас как? Старопортофранковская?"* (запись телефонного разговора). Как свидетельствуют наблюдения, реноминированное название частотнее в репликах-реакциях представителей либо молодого (18—25 лет) поколения, либо у стариков, как устойчивый навык, не утраченный в процессе переименований. В речи же средней возрастной группы активно функционируют годонимы, бытовавшие до 90-х годов XX века.

В кругу возможных ономастических способов определения возраста особое место занимают квалитативы. Как свидетельствуют результаты экспериментальных исследований, они могут успешно использоваться не только в возрастной диагностике, но и в тендерных изысканиях. Для предположительного заключения о возрасте коммуниканта следует сосредоточить внимание на мелиоративах с нулевой флексией. В отличие от 80-х годов XX века, в настоящее время данные формы активизировались, и "мужские" варианты женских ласкательных имен поражают разнообразием словообразовательных дериватов: *Ирчик, Лорик, Ленок, Юлец* и т. д. Возрастная диагностика посредством вышеназванных квалитативов возможна прежде всего благодаря их функционированию в разных возрастных группах. Суффикс *-чик(-ик)* зафиксирован только в среде женщин молодого возраста (*Юльчик, Люсик*); *-ок* — у мужчин старшей группы (*Лизок*). Традиционные суффиксы *-ечк/-очк* функционируют также вариативно: в коммуникации женщин геронтной группы они на порядок частотнее, нежели у девушек, а юноши эти формы прак-

тически не употребляют, в отличие от мужчин преклонного возраста. Последние вообще склоняются к консерватизму и предпочитают образовывать мелиоративы с помощью "женских" суффиксов — *-юш-*, *-яш-*, *-ечк-*. Информация о возрасте автора текста может быть извлечена и из контекста, в котором функционирует квалитатив, путем установления типа его коннотативной окраски. Известно, что знак оценки квалитативов с суффиксом — *к-* ситуативно изменчив. Но оказывается, что он варьирует и в соответствии с возрастными параметрами коммуникантов: у молодых женщин он чаще используется в функции пейоратива, в то время как у представительниц старшего поколения он стабильно мелиоративен, в крайнем случае, ему придается нейтрально-фамильярная окраска.

Квалитативы могут оказаться полезными и при решении вопросов полового диморфизма. Дифференциация адресантов по тендерному признаку вполне осуществима на основе коннотативного содержания суффикса *-ок-*. Замечено, что у женщин окраска форм типа *Лизок*, *Лидок*, *Людок* шутливо-игровая со знаком позитивной оценки, у мужчин — скорее грубо-снисходительная. К традиционным в автороведческой практике приемам определения пола относятся номинации, составленные из оценочных лексем и указательных местоимений, которые предпочитают женщинами (эта неряха, эта дрянь), вместо антропонимической лексики, избираемой мужчинами.

Решая судебно-автороведческие диагностические задачи, эксперт может опереться на имена собственные анализируемого документа с целью выявления необычности условий его создания или ситуационного состояния автора в момент написания текста [1]. О физической усталости, стрессе может свидетельствовать наличие орфографических ошибок, не типичных при составлении текста в спокойном состоянии (написание топонимов со строчной буквы — *одесса*, *украина*; игнорирование правила правописания безударных гласных (*Владимера*)и под.).

Запрашиваемая следственными органами информация о ближайшем окружении адресанта может быть извлечена из способа написания личных имен, официальная форма которых включает двойные согласные. Ошибочные написания свидетельствуют, в частности, об отсутствии регулярных письменных или даже устных контактов с лицом, носящим имя, отчество либо фамилию, подобные следующим: *Инна*, *Жанна*, *Инесса*, *Римма*, *Ипполит*, *Кирилл*; *Кирилловна*; *Филиппов* и др. К сожалению, менее информативны квалитативы имён *Анечка*, *Кирилка*, *Элочка*, *Алочка*, в которых принято писать одну согласную. Как свидетельствует практика, данная информация имеет весьма ограниченную сферу распространения и, следовательно, сделать однозначный вывод относительно уровня образования по данному факту не представляется возможным, поскольку написание одной согласной в подобных именах типично для средне-статистического носителя русского языка, никогда не интересовавшегося трудными случаями орфографии.

Порой для следственного процесса оказываются необходимыми сведения о преимущественном типе коммуникации адресанта и адресата. В этой ситуации имя собственное может оказать помощь лишь при условии, если объектом номинации окажется женщина, в отчестве которой присутствует звуковое сочетание [чн]. Орфографический его вариант, выполненный по модели устной речи (*Ильинишина*, *Кузьминишина*, *Фоминишина*), позволит выдвинуть предположение об отсутствии регулярных письменных контактов. Отчества иных типов являются маркером устной формы общения коммуникантов, если фигурируют в тексте в стяженной форме (*Татьяна Пална! Севодняхадила напраспект...*) [3:38] Правда, при наличии подобных форм вполне допустима и параллельная версия — о низком образовательном уровне автора документа.

Наблюдение над функционированием антропонимических формул может оказаться плодотворным в диагностическом исследовании при решении вопроса о характере межличностных отношений между адресантом и адресатом, а на изменение тональности этих отношений укажет вариативность на уровне индивидуальной антропонимической нормы. Коммуникативные антропонимические нормы достаточно глубоко изучены и представлены в соответствующей научной литературе, так что не требуют дополнительного освещения. Хотелось бы только заметить в этой связи, что при определении степени знакомства отнюдь не лишним было бы уточнить предпочитаемую адресатом индивидуальную антропонимическую норму, так как от некоторых имен образуется не одна, а несколько гипокористик: *Дмитрий* — *Дима* и *Митя*, *Александр* — *Саша*, *Шурик* и относительно новое в русской традиции *Алекс*, *Людмила* — *Мила* и *Люда*, *Ма-*

рия — Маша и Муся и т. д., а если принять во внимание смешанные браки, то следует вспомнить и разноязычные корреляты, например Александра — Саша, Шура и Лёся. Каждая из форм может оказаться предпочитаемой в автономии. Отсутствие же адекватной антропореферентной компетенции у автора текста и есть доказательство отсутствия близких отношений с объектом именованного. Если же текст выполнен от лица носителя имени, то ложная гипокористика в функции подписи или именованного третьего лица — неоспоримое свидетельство искажения признаков письменной речи, а точнее имитации.

Неоценимую помощь может оказать автороведу и такой, по выражению Л. В. Щербы, "отрицательный языковой материал", как описки. Фактором, обуславливающим возникновение описки, мы склонны считать влияние мыслей, лежащих за пределами речевой интенции. Описки можно считать орудием выражения, но чаще всего выражения того, что не хотелось сказать, что тщательно скрывалось адресатом и вербализация чего обусловлена определенной активностью подсознательного уровня. В подавляющем большинстве случаев автор текста не имеет четкого представления о передаваемой им посредством описки дополнительной информации. Проиллюстрируем сказанное на примере отрывка одной из повестей А. И. Куприна: *"Было бы редким примером рассеянности и невнимания то обстоятельство, что, перечитавши бесконечно много раз свой "Последний дебют", он совсем небрежно отнёсся к посвящению, пробегаая его вскользь. А между тем в посвящение вкралась роковая ошибка: посвящается Ю. Н. Син...никовой. Но сильна, о могущая, вечная власть первой любви! О, незабываемая сладость милого имени! Рука бывшей, но ещё не умершей любви двигала пером юноши, и он в инициалах, точно лунатик, бессознательно, поставил вместо буквы "О" букву "Ю" [2:105].* Итак, описки в именах собственных — результат подавляемых мыслей и, вероятно, свидетельство неосознаваемой неискренности, что, возможно, может быть интересной гранью в предлагаемом аспекте антропонимического анализа.

Имена собственные являются наиболее ярким показателем наличия у индивида такого рода психической патологии, как раздвоение личности. Антропонимы оказываются задействованы в акте раздвоения личности в силу того, что имя неразрывно связано с психологическим обликом человека. Чтобы объективно оценить себя и свои поступки, человеческое существо должно взглянуть как бы со стороны, что позволяет создать мысленное представление о втором "я", которое не может быть безыменным. Представление о наличии второго "я" бывает кратковременным. Например, равняется времени одного речевого акта или периода написания части письма. Так, в одном из проанализированных нами спорных документов основные требования адресату предъявлялись от лица анонимного автора-славянина, а в завершающих текст угрозах он уже позиционировал себя как "посланник Аллаха Ахмед Карим".

Собственные имена весьма плодотворны и при диагностике интеллектуальных навыков разрабатываемой личности: ценностная ориентация устанавливается по характеру аргументации, на кого и как ссылается автор (авторитеты) или кого и как цитирует. При этом конкретная антропонимическая модель аргумента является показателем социального ракурса оценки, то есть отражает социально-психологическую позицию автора по отношению к оцениваемому объекту.

В заключение хочется всячески подчеркнуть ту мысль, что диагностические возможности ономастической лексики далеко не исчерпываются представленным в данной работе материалом. Перспективность онимов как объекта автороведческого исследования несомненна. Их дальнейшая разработка на более широком корпусе текстов может способствовать успешному решению актуальных вопросов современных нестандартных исследований, выходящих за рамки методик судебно-автороведческой экспертизы, а именно: случаев, связанных с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации, споров о значении и этимологии названий, включающих ономастический компонент, проблем "черного" пиара и контрафактных текстов.

1. Вул С. И., Довженко О. В. Об аналитическом исследовании текста документа в целях установления факта необычности условий его составления // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. — Харків, 2003.
2. Куприн А. И. Сочинения: В 9 т. — М., 1964. — Т. 8.
3. Эртевциан А. Н., Бахарев Н. В. Упражнения по криминалистической технике. — Казань, 1984.

T. F. Shumarina

**ONOMASTIC VOCABULARY IN THE RESEARCH OF AUTHORSHIP
(UNIDENTIFICIAL ASPECT)**

The article investigates onomastic vocabulary, reveals its diagnostic possibilities in court examination.

Key words: onomastic, onym, diagnostics, criminality.

Т. Ф. Шумаріна

ОНОМАСТИЧНА ЛЕКСИКА В АВТОРОЗНАВСТВІ (НЕІДЕНТИФІКАЦІЙНИЙ АСПЕКТ)

У статті розглянуто ономастичну лексику як об'єкт дослідження у криміналістичній скриберології, розкрито її діагностичні можливості.

Ключові слова: ономастика, онім, діагностика, криміналістика.